

Василий Чибисов

Капремонт в доме Ашеров

*Иронический
хоррор*

Василий Чибисов

**Капремонт в доме Ашеро́в.
Иронический хоррор**

«Издательские решения»

Чибисов В. В.

Капремонт в доме Ашеро́в. Иронический хоррор /
В. В. Чибисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834147-2

Двое психотерапевтов ищут источник семейного безумия в старом особняке.
Что скрывается за историей о детском страхе перед черной чучелкой? Психоз,
преступление или нечто большее?

ISBN 978-5-44-834147-2

© Чибисов В. В.
© Издательские решения

Содержание

Предупреждение	6
Капремонт в доме Ашеров	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Капремонт в доме Ашеров
Иронический хоррор
Василий Чибисов

© Василий Чибисов, 2016

ISBN 978-5-4483-4147-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупреждение

В серии иронического хоррора вышли следующие новеллы:

1. Собачье озеро
2. Страх лечат дважды
3. Без лишнего скрежета
4. Картонный человек
5. Мир меркнет

Каждая новелла является самостоятельным произведением. Но мы предупреждаем о скрытых сюжетных линиях, пронизывающих общую ткань всех рассказов. Также мы предупреждаем, что автор не несёт ответственности за возникающие во время чтения панические атаки и псевдогаллюцинозы.

Капремонт в доме Ашеро́в

*Не приписывайте художнику
нездоровых тенденций:
ему дозволено изображать всё.
Уайльд. Портрет Дориана Грея*

*Если видишь, что с картины
Смотрит кто-нибудь на нас...
Гладков. Песня о картинах*

*Пробка на Рублевском шоссе
2017, март, 14*

– Держи пирожки. Всё равно никто пока не едет. А то будешь ныть, что я тебя на голодный желудок невесть куда потащила.

– Спасибо. Довольно вкусно. Не знал, что ты умеешь готовить.

– Пришлось научиться. Едва я вышла замуж, как благоверного передислоцировали в Восточную Сибирь. А мне надо было врачебную практику проходить. Знакомые помогли, и я отправилась следом, благо в реанимационном отделении нужны были лишние руки, умеющие хранить молчание.

– В реанимационном отделении полевого госпиталя?

– Там половина военной базы была превращена в сплошную реанимацию, забитую солдатами. Все с того полигона, где муж служил. Хотя с его талантом влезать на административные должности, службой это было назвать трудно. Так, руководил отправкой советских граждан в неизвестность.

– Куда?!

– Не бери в голову. Была там железная дорога очень важная. И по её периметру постоянно что-то творилось. Привозили оттуда ребят без видимых повреждений, но с острой сердечной недостаточностью и всяким таким. Строишь историю болезни и диву даёшься: у нас половина с такими диагнозами живут. Но солдаты угасали за пару дней. Мне оставалось только следить, как амплитуда сердечных ритмов плавно уходит в ноль.

– Дай угадаю. Тебя это так потрясло, что ты решила уйти в психотерапию.

– Почти. Я стала разговаривать с умирающими. И догадалась, что их патологии имеют чисто психосоматическую природу. Знаешь, как в народе говорят: от ужаса кровь в жилах стынет? У них кровь медленно остывала. Я устроила импровизированную балинтовскую группу. Солдаты начали делиться своими страхами, обсуждать свои кошмарные сны, видения.

– И произошло чудесное исцеление!

– Не-а. Просто я догадалась, что все их кошмары имели место в реальности. Там, вдоль монотонных рельс, змеилась полоса потустороннего ужаса.

– А потом?

– А потом об их разговорчивости узнали наверху. И все пациенты сгинули в советских лагерях. Меня чудом отмазали, выставив целый ряд условий. Мол, если я так хорошо разбираюсь в природе страха, буду лечить партийных деятелей. Вот так я и стала врачом-психотерапевтом высшей категории.

– Нда. А готовить-то ты как научилась?

– Ах да. Готовить. Надо было чем-то занять себя. А на территории полигона была неплохая полевая кухня. Вот я и научилась. Да так, чтобы сразу на уровне серийного производства. Там один противень в духовом шкафу был размером с мой кабинет.

- Могу представить. Странно, что ты не устроила им массовое отравление.
- Муж предупредил их, чтобы от меня хорошо прятали любые отравляющие вещества.
- Предусмотрительно.

Светлане Озёрской часто хотелось подсыпать кому-нибудь яду в чай, да побольше. Кусок сахара, два куска отравы. Или даже три. И можно без заварки. Свои маниакальные импульсы лучшая психотерапевт России научилась ловко контролировать.

Каким образом? Она изобрела свой рецепт чая с виски. Потратила несколько месяцев, чтобы подобрать нужный сорт заварки, уточнить время заваривания вплоть до долей минуты. Воду нужно было не просто довести до кипения, а подержать на огне еще какое-то время. Наполнить заварник на четверть, засыпать чай. Подождать минуту. Долить еще четверть воды. Спустя еще полторы минуты засыпать колотого льда с горкой... К сорту и кондиции виски выдвигался отдельный список требований.

Фрейд бы оценил по достоинству столь мощную сублимацию агрессивных импульсов. Клиентам тоже стоило радоваться, ведь их жизни в кабинетах психологического центра «Озеро» ничто не угрожало. Кроме собственных страхов, конечно же. Если бы они только знали, в каком состоянии периодически пребывает их лечащий врач!

Впрочем, пациентов у Светланы с каждым годом становилось всё меньше. Политическая и финансовая элита старела, вырождалась, гнила, вымирала. Им было не до психотерапии. Революция лисьих хвостов, охватившая страну, набирала обороты. По слухам, Кремль даже заключил несколько странных договоров с австрийским демонологом. И теперь к стандартным политическим репрессиям добавилась настоящая охота на ведьм. В общем, господа параноики уверенно теснили товарищей невротиков. А параноики, как известно, по психотерапевтам не шляются.

- Роза, надеюсь, знает о нашем визите? – опомнился Игнатий.
- Конечно. Правда, она сама сейчас не в особняке.
- Помню-помню. Ты её мягко, но настойчиво сбагрила в психушку.
- Игнатий! Это её идея была.
- Но ты особо не возражала.
- Тебя тоже никто особо не уговаривал со мной ехать сейчас.
- Технически всё наоборот. Это ты со мной едешь.

А ведь она права. Никто Игнатия не заставлял везти коллегу на психотерапевтическую экскурсию по старому особняку. Дом принадлежал Розе Соломоновне Альтберг, с которой Свету связывала давняя дружба. В девяностые эта пожилая дама фактически с нуля создала отечественную финансовую систему, вырастила несколько политических партий (чтобы хватило с запасом), убедила немецких политиков выделить России крупный беспроцентный заем, ну и еще много всего по мелочи.

Короче говоря, мировая тетка.

*Психологический центр «Озеро»
Несколько часов назад*

– Мировая тетка, короче говоря! – подытожила Сарочка. – А еще она мне свой особняк подарила, прикиньте! Я туда кое-какие вещи перетащила, но...

У многих пациентов есть интересная привычка. Уже после окончания сеанса, стоя у самого порога, вдруг взорваться фейерверком откровений и инсайтов. За эти две-три минуты внеплановой работы совершается самое важное. Поэтому хороший психотерапевт не теряет бдительности и не разрывает эмпатический контакт просто по звонку будильника. Жак Лакан, кстати, это понимал лучше других, поэтому его сеансы могли растягиваться на несколько часов. Или сокращаться до пары минут.

Соколова, самая беспокойная пациентка Игнатия, превратила эту привычку в ритуал. Сеанс гипнотерапии – без всякой договоренности – завершался минут на десять раньше стандартного времени. Сара закидывала за спину складной самокат, который всегда таскала с собой (хотя пользовалась такси), вольной пташкой вылетала из клетки сеттинга... Но спустя пару минут уже скромно стучала в дверь кабинета и, стоя на пороге, щебетала что-то, точно уместаясь в оставшийся запас времени.

Из этих надпороговых туннелирующих монологов Игнатий узнал много сплетен. О ком? О Лизе – лучшей подруге. Об Ирине Храбровой – формально начальнице, но по факту, опять же, лучшей подруге. О Розе Альтберг – мировой тетке, которой стать лучшей подругой помешал возраст. И о Лене Ерофеевой – дочери Розы, медноволосой психопатке, которая на всех бросается. Последняя фигура всерьёз заинтересовала только после рассказа Озёрской о чёрной чучелке, которую вдруг стали бояться все члены клана Ерофеевых.

Поэтому, когда Сарочка сообщила о скором переезде в особняк Ерофеевых, Аннушкина скрутило профессиональное любопытство. Не присоединиться к Озёрской он не просто не мог.

Поворот на Рублево-Успенское шоссе

– Почему ты вызвался добровольцем? – не сдавалась Света. – Понравилось ожившее безумие Лизы?

– Вот именно. Не было там никакого ожившего безумия. И сегодня я хочу восстановить свою рациональную картину мира.

Ответ в высшей степени уклончивый. Незачем посвящать Озёрскую в свои мысли и исследования. Еще не время.

– Резонно, – коллега сделала вид, что поверила. – Моя картина мира тоже несколько прохудилась после вчерашнего.

– А у твоей Розалии картина мира не только прохудилась, но и куда-то поехала.

– Игнатий!

– Я-то Игнатий. Но и ты смотри, чтобы тебя фантазии этой старушенции не утянули в болото психоза. А то начнешь чучелку по углам ловить.

– Игнатий!

Психологический центр «Озеро»

Примерно месяц назад

– Я боюсь черную чучелку. Она страшная и на нее неприятно смотреть. А еще я боюсь, что появится вторая чучелка. Потому что две чучелки означают смерть.

О чучелке Светлана впервые услышала от маленького Димы и его матери, Елены Ерофеевой. Мир, похоже, с каждым днем становился всё теснее. Лена оказалась младшей дочерью Розы Соломоновны.

Случай этого детского страха был сам по себе довольно запутанным. И когда фрау Альтберг заявила Светлане, что сама видела чучелку, ясности не прибавилось.

– Я продам дом. Вернее, подарю. Даже уже решила, кому. Лене там нельзя находиться. Диме тоже. А уж мне тем более. Неизвестно, что она может сделать с Димой. Со мной.

– Елена?

– Да какая Елена?! Нам не даёт покоя мерзкая чучелка. Каждую ночь прыгает по коридорам особняка, роется в шкафах и противно хихикает. Кто знает, что у неё на уме!

Светлана не знала, что обычно бывает на уме у чёрных чучелок. Действительно, что? Вряд ли мечты о всеобщем благе.

*Поселок Барвиха, особняк Розы
Март, 14*

– Милый домик! – Игнатий помог коллеге выбраться из машины.

– А ты ожидал увидеть страшный особняк с привидениями? – Светлана ловким движением выудила из-под коврика ключ. – Или кирпичную стену высотой в три метра?

– Ну не знаю. Всё-таки элитный коттеджный посёлок...

– Не коттеджный, а дачный. Периметр здесь охраняется достаточно тщательно, поэтому не имеет смысла окапываться.

– Так тщательно, что нас пропустили без разговоров.

– Неудивительно. Учитывая, сколько раз нас приглашали сюда на высокоинтеллектуальные посиделки. Каждая собака знает.

– Я всё чаще чувствую себя ветеринаром.

– Игнатий!

Стилизованный под бревенчатую избу особняк смотрелся на удивление скромно. Внутри не было и намека на мегаломанию или роскошь. Светлая ромбическая прихожая, сразу налево – кухня, чуть дальше и направо – спальня. Прямо впереди начинается столовая, она же центральная комната, она же гостиная, она же небольшая выставка картин (площадью с парочку квартирок в панельном доме). У дальней стены гостиной видна винтовая лестница.

– Вот тут мы сидели, пили чай и беседовали о вечном. Розалия никогда не была моей клиенткой. Мы даже умудрялись шутить о жизни. Хотя обе всегда считали жизнь той ещё гадостью.

– Ты как будто оправдываешься.

– Не то, чтобы... Хотя ты прав. После этой истории с чучелкой Роза сильно изменилась. Её уже давно что-то гнетет. Чувство вины, синдром предков...

– Ты сама нам еще на лекциях в институте объясняла, что плох тот психотерапевт, который пытается читать людей вне кабинета.

– Но если у хорошего знакомого беда, разве можно этого не замечать?

– А как ты это проверишь? Где гарантия, что под годами доверительного общения не похоронена какая-то мрачная тайна? Может, люди для того и избрали бессмысленные дружеские беседы, чтобы не говорить о сокровенном?

– Ну вот. Теперь буду переживать.

– Вот для этого нам и нужны стены кабинета. Не клиенту, а нам. Нам! Чтобы мы могли ограничивать свою неуёмную заботу о человечестве рамками отдельных случаев.

– С каких пор у тебя завелась забота о человечестве? – проявила бдительность Светлана, прекрасно знавшая цену показной сентиментальности коллеги.

Аннушкин благоразумно счёл этот вопрос риторическим и ретировался на второй этаж. Ему не терпелось отыскать хотя бы малейшие следы Сарочки.

Светлана тем временем задумчиво разглядывала картины на стенах и прислушивалась к звукам дома. Особняк затаился, не понимая, чего ждать от гостей. Зато шаги Игнатий над головой звучали достаточно ясно и громко, так что его положение можно было определить с хорошей точностью. Сейчас, например, он прогуливается по коридору, от которого расходятся все комнаты второго этажа: кабинет Розалии Львовны, две гостевые спальни, библиотека и зимняя оранжерея.

– Под ковриком был только один ключ? – вернувшись в гостиную, поинтересовался Игнатий.

– Да. Мы давным-давно сделали такие «закладки» на всякий случай. Роза справедливо решила, что в охраняемом дачном поселке можно не изощряться в конспирации.

– А ты для своей копии ключей придумала тайник пооригинальней?

– Неважно. Тебе одного ключа мало?

– Ну, если он походит ко всем замкам, то вполне достаточно.

– Каким замкам? Насколько я помню, двери в доме закрываются изнутри на небольшие щеколды.

– Значит, щеколды способны к спонтанной эволюции. Или мутации.

Они вместе поднялись по винтовой лестнице на второй этаж.

– Очень интересно... – Светлана несколько раз прошлась по коридору, чтобы полюбоваться на новенькие навесные замки. Каждая дверь теперь была надежно защищена от любопытных психотерапевтов. – Состоялся парад кладовщиков-любителей?

– Может, Роза Львовна просто пыталась сократить для чучелки жилое пространство. Или наоборот, каждый раз ловила её таким образом?

– Послушай, ну даже если у всего семейства случилась групповая фобия, то навязчивые действия сюда зачем довешивать?

– Ну, во-первых, не довешивать, а навешивать. Замки навесные. А во-вторых, тут и без меня всё довели. Предлагаю вторгнуться в этот механизм анальной защиты с помощью фаллического ломика.

– Игнатий!

– Ладно-ладно. Кража со взломом отменяется. Только не удивляйся, когда в какой-нибудь комнате обнаружат хладный труп Ерофеева-младшего, которого родная бабушка приняла за чучелку и заперла.

– Игнатий!

– Ты ведь мальчика после того сеанса больше не видела?

– Игнаааатий!

Коллеги вернулись вниз, ища счастье в просторной мастерской. Но и там, среди картин, стульев и сервизов, им пришлось замереть в нерешительности. К работе без кабинета и без пациента невозможно было привыкнуть.

– Интересно, а кто это всё рисовал? – настал черед Аннушкина всматриваться в пейзажи и натюрморты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.